

И. А. Гончаров и Н. В. Гоголь¹

Тема «Гончаров и Гоголь» много раз становилась предметом внимания отечественных и зарубежных литературоведов. Автор «Обломова» часто цитировал Гоголя, которого практически знал наизусть. В письме к К. Ф. Ордину от 16 мая 1872 г. он писал: «Препровождаю обратно и Гоголя: не знаю, зачем я пожелал его! Где ни разверну – везде все почти наизусть знаю!»¹ Гоголь в сознании Гончарова чаще всего присутствует в раздробленном, анекдотически-ситуативном виде. Для Гончарова процитировать Гоголя означает – подобрать яркую иллюстрацию к жизненному случаю. Однако это не равносильно тому, что Гончаров рассыпал Гоголя на анекдоты: Гоголь и его художественный опыт постоянно вызывали концептуальную, глубокую творческую реакцию Гончарова. Гоголь то мощно втягивал Гончарова в свою неповторимую оригинальную стилистическую стихию, то становился предметом критического отношения, то помогал Гончарову в осмыслении особенностей русской жизни, в обрисовке характеров.

Отношение Гончарова к Гоголю можно охарактеризовать в следующих словах. Во-первых, Гоголь является для него безусловным литературным авторитетом, «гигантом», который стоит по своему значению для русской литературы рядом с Пушкиным. Во-вторых, Гончаров столь же безусловно оказался «втянутым» в сферу мощного творческого воздействия Гоголя, влияние Гоголя многосторонне и разнообразно: от образов, мотивов, стиля,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 08-04-00079а "И. А. Гончаров и мировой литературный процесс".

гоголевского юмора – до концептуального воздействия во взгляде на человека, на национальный менталитет, на Россию. В третьих, отношение Гончарова к Гоголю пережило определенную эволюцию: он все более освобождался от его влияния (изображение отрицательных явлений²) – прежде всего под воздействием Пушкина. Можно даже сказать, что он все более вглядывался в те «разночтения», которые были между Пушкиным и Гоголем – и постепенно переоценивал Гоголя, все более твердо нащупывая свою собственную дорогу в литературе. В-четвертых, есть еще деликатный момент «внутренней» оценки Гоголя, а именно его «крайностей», которые для тяготеющего к гармонии и симметрии Гончарова казались неприемлемыми. Речь идет о взаимосвязи религиозной и художественной концепции Гоголя. Будучи сам глубоко религиозным человеком, Гончаров особенно жестко оценивает духовные и творческие поиски позднего Гоголя как попытки соединить отрицание и морализм. Последнее характерно отразилось в письме к С. А. Никитенко: «Иногда я верю ему, а иногда думаю, что он не умел смириться в своих замыслах, захотел, как Александр Македонский, покорить луну, то есть не удовольствовался одною, выпавшею ему на долю ролью — разрушителя старого, гнилого здания, захотел быть творцом, создателем нового, но не сладил, не одолел, увидал, что создать не может, не знает, что надо создать, что это дело других,— и умер! Следовательно... это дело спорное»³. Именно Гоголя мог иметь в виду Гончаров в статье 1876 г. «Намерения, задачи и идеи романа “Обрыв”»: «... Художник перестает быть художником... и в таком случае, если удалится от образа и станет на почву мыслителя, умника или моралиста и проповедника. Его дело изображать и изображать»⁴.

Практически ни в одном произведении Гончаров не обходится без реминисценций из Гоголя. Естественно, что гоголевское начало мы встречаем и в «Обыкновенной истории», с которой, кстати, Гоголь был знаком. Гончаров

в «Обыкновенной истории» умеренно пользуется гоголевскими приемами и гоголевской стилистикой. Изображая романтического героя, то и дело заносящегося мыслью в идеалистические высоты, Гончаров, например, заимствует у Гоголя прием «возвращения на грешную землю». Ведь именно Гоголь всесторонне разработал этот прием: «Словом, те слова, которые вдруг обдадут как варом какого-нибудь замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой и чудными кудрями. Чего нет и что не грезится в голове его? он в небесах и к Шиллеру заехал в гости – и вдруг раздаются над ним, как гром, роковые слова, и видит он, что вновь очутился на земле, и даже на Сенной площади, и даже близ кабака, и вновь пошла по-будничному щеголять перед ним жизнь» (VI, 131). Этот прием хорошо усвоит автор «Обыкновенной истории». Правда, вместо пафосного, драматического по духу снижения Гончаров прибегает к мягкому юмору, что оставляет его в рамках органичного, «нефорсированного» изображения действительности. Характерный пример: рыдания Адуева после драматического объяснения с изменившей ему Наденькой Любецкой. Герой переживает трагический момент своей жизни, но это не мешает автору снизить пафос повествования, как всегда переключившись с «господ» на «слуг»: «Адуев... сел на последней ступени, закрыл глаза платком и вдруг начал рыдать громко, но без слез. В это время мимо сеней проходил дворник. Он остановился и послушал.

- Марфа, а Марфа! - закричал он, подошедши к своей засаленной двери, - подь-ка сюда, послушай, как тут кто-то ревет, словно зверь. Я думал, не арапка ли наша сорвалась с цепи, да нет, это не арапка...

- Так что ж он, с голоду, что ли? - с досадой заметил дворник.

- Что! - говорила Марфа, глядя на него и не зная, что сказать, - почем знать, может, обронил что-нибудь – деньги...

Они оба вдруг присели и начали с фонариком шарить по полу во всех углах»⁵.

Гоголевская стилистика ощутима и в таких выражениях, как, например: «Кто не знает Антона Ивановича?» В целом же «Обыкновенная история» есть вещь по духу пушкинская, в ней, сравнительно с первым периодом гончаровского раннего творчества, намечен отход от Гоголя. Более того, неисполнение замысла «Стариков», с одной стороны, и переход от ранних повестей к широкому, прозрачному, но многогранному замыслу романа «Обыкновенная история» свидетельствуют о том, что резкий рывок, сделанный Гончаровым-писателем, стал возможен на путях преодоления влияния Гоголя и, напротив, глубокого проникновения в поэтику Пушкина, прежде всего «Евгения Онегина».

Книга «Фрегат “Паллада”» связана с именем Гоголя не только многочисленными реминисценциями из произведений старшего современника, но и гораздо более предметно. Подобно тому, как Гоголь не написал бы «Мертвых душ» без своих поездок по Европе, подобно этому и «Обломов» не был бы написан Гончаровым без его кругосветного путешествия на «Палладе». В основе метода художественного исследования обоих лежит выявление коренных свойств русской нации в сравнении с другими. Только диапазон сравнения у Гончарова не европейский, как у Гоголя, а мировой. В сравнении с другими нациями – вся сила, свежесть и глубина гончаровской книги. При этом Гончаров разрабатывает свою оригинальную философию мировой истории цивилизации как части Божьего замысла о человечестве. Таким образом, гоголевский оригинальный метод включен Гончаровым в более обширный замысел. Гоголевское начало проглядывает в анализе свойств русского человека. В гончаровской характеристике вестового Фаддеева слышны отголоски гоголевских описаний русского человека в «Мертвых душах»: «Поди,

разбери, из каких элементов сложился русский человек!» Гончаров, как и Гоголь, внимателен к этнографическим определениям: «Он внес на чужие берега свой костромской элемент и не разбавил его ни каплей чужого».

Несомненно, самое «гоголевское» произведение Гончарова – роман «Обломов». Об этом говорят не только явные параллели в образах Обломова и Тентетникова, Обломова и Манилова и пр. Гончарову, который акцентированно выражает в своих произведениях идиллический, утопический планы жизни, ностальгическое настроение (что совершенно чуждо Пушкину), оказались близки глубоко залегающие в творческой личности Гоголя ностальгические настроения и мечтания. Речь идет прежде всего о том невыразимо тонком поэтическом описании, на котором построен «Сон Обломова» - эта самая концептуальная часть гончаровского романа. Большое сходство с гоголевскими «Старосветскими помещиками», вплоть до отдельных деталей, обнаруживает не только «Сон Обломова», но также изображение жизни героя в доме вдовы Пшеницыной.

В самом деле, описывая старую Обломовку, Гончаров не только иронизирует и критикует, но и любит некими непреходящими нравственными ценностями, которые таит для него в себе мир патриархальной жизни. И здесь огромный философский и художественный смысл заключается в том, что об этой жизни мы узнаем именно из описания сна Ильи Ильича. Изображая каждую новую клеточку «старосветской жизни», Гоголь акцентирует внимание каждый раз на культе еды и сна. Но сатира у Гоголя неразрывно связана с идиллией и элегией, глубокий сон обитателей поместья вызывает у автора сложные чувства, он говорит о «дремлющих и вместе каких-то гармонических грезах...» В обоих произведениях остро актуализирована проблема «природа и цивилизация». Проблема соотношения «природы» и

«цивилизаций» в современном русском обществе и Гоголем, и Гончаровым ставится в связи с вопросом о гармонической человеческой личности, о его «живой» или «омертвелой» душе. Для обоих писателей в центре указанной этической проблематики оказываются понятия «покоя» (у Гоголя — «привычки») и «страсти». Эти понятия стоят в ряду важнейших для просветителей XVIII в., в том числе и для Ж. Ж. Руссо. Согласно их воззрению, покой связан с тем, что дано человеку, природой, естеством, непосредственным чувством. Покой зиждется на том, что человек живет лишь «естественными», «природными» желаниями.² Страсти же связаны с жизнью человека в обществе, с рациональной стороной его природы. Просветители, включая и Руссо, ставили вопрос именно о гармоническом синтезе покоя и страсти в человеческой природе, о слиянии в ней «природного» и «общественного» элементов. Гоголь в «Старосветских помещиках» задает вопрос: «Что же сильнее над нами, — страсть или привычка?» И хотя далее он пишет о том, что «в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки», не следует думать, что Гоголь окончательно решает вопрос в пользу «привычки – покоя». В художественном мире Гоголя есть и иные «страсти», о которых он помнит даже в «Старосветских помещиках». Это «страсти», не разъединяющие людей, но, напротив, соединяющие их в единое «братство», «товарищество» («Тарас Бульба»). Может быть, это и есть искомый Гоголем синтез природного и общественного в человеке. Гончаров не ставит вопрос так широко, поиски этического идеала у него ограничены проблемой гармонической личности. Противопоставляя «покой» и «страсти», Гоголь все же считает, что без страсти нет и жизни, нет человека. Иное дело, что некоторые из страстей могут быть, по его выражению, «порождениями злого духа». Гончаров акцентирует эту мысль в духе просветительской философии.

Природа «страстей» противоречива, но без них душа человека может стать «мертвой душой».

Обратившись к важнейшей для себя теме национального характера, Гончаров начал роман по-гоголевски. Однако вскоре он почувствовал, что это был не его путь. Его смущала статика, отсутствие любовного сюжета. Пока в романе не появилась любовная линия, он буквально стоял на месте (около десяти лет). Лишь когда он сменил творческую задачу (от обличения «обломовщины» к изображению трагически противоречивого Ильи Обломова), Гончаров ввел в роман «поэму любви» – и в очередной раз плодотворно вернулся на пушкинский путь, показав в своих героях тысячи оттенков психологической игры чувств. После «Обломова» Гончаров уже твердо будет знать свою «меру» восприятия гоголевской традиции.

В последнем гончаровском романе точнее было бы вести речь не о влиянии, а об использовании в «Обрыве» отдельных гоголевских тем и мотивов. Здесь снова как бы невзначай, эпизодически мелькают фигурки «старосветских помещиков», идиллических милых старичков Молочковых. Черты Чичикова узнаются в Аянове. Чичиковская тень мелькает уже в «Обыкновенной истории» и «Обломове», но лишь в «Обрыве», где тема «живых» и «мертвых» душ подана через призму религиозного самоопределения человека, параллель приобретает устойчивость. Аянов и Чичиков стремятся не к выработке «нормы жизни», а к «выделке» своей среды «обитания». Они схожи во многих планах. Едва ли не нарочито Гончаров вызывает у читателя ассоциации с героем «Мертвых душ»: «Он – так себе: ни характер, ни бесхарактерность, ни знание, ни невежество, ни убеждение, ни скептицизм» и т. д. Характеризуя Аянова, Гончаров не раз и не два будет повторять несколько измененные гоголевские формулировки, характеризующие Чичикова.⁶

Еще одна параллель с Гоголем кажется неожиданной. В «Обрыве», в отличие от «Обломова», сны героев могут быть страшными, фантастическими. Гончаров ранее не обращался к изображению ужасного, мистического. Роман «Обрыв» полон «чудовищ». Кроме злого волшебника Марка, мы встречаемся с гоголевским Вием, с языческими богами (Геркулес и пр.). У Гоголя Вий вошел в церковь, у Гончарова – злой волшебник Волохов посягает на всю Россию, на ее Веру. В «поэтическом сне» Марфеньки явственно сквозит мотив гоголевского «Вия». Геркулес, поднимающий глаза на Марфеньку, обнаруживающий ее и на нее указывающий всем остальным бесам, совершенно явственно ассоциируется с Вием, которому подняли ресницы – и он увидел философа Хому Брута. Вий превращается у Гончарова в античного Геркулеса, а бесы – в других мифологических героев (Диана, Марс, Венера и т. д.). При этом Гончаров не был бы самим собой, если бы вслед за изображением «ужасного» оно не было бы снято. Все завершается чуть ли не пародийно звучащей репликой Татьяны Марковны: «Надо морковного соку выпить, – это кровь очищает...»⁷ (V. 162)

Смысл этого далеко не случайного в романе сна Марфеньки еще предстоит разгадать. Ясно лишь одно: в отличие от сна Татьяны, предвещающего гибель Ленского, и явления Вия, повлекшего за собою смерть Хомы Брута, сон «солнечной» Марфеньки не влечет за собою никаких прямых трагических последствий, связанных со смертью, хотя и предвосхищает падение Веры. В античных (в данном случае – языческих) образах Гончаров воплощает тему «бесов», главный из которых в романе – Геркулес-Марк. Так тема «бесов» передается от пушкинского «Евгения Онегина» – через гоголевского «Вия» к «Обрыву» Гончарова.

Между тем, очевидно, что все эти параллели с Гоголем в «Обрыве» - всего лишь частности. Гоголь к этому времени уже был пережит Гончаровым – и занял в его художественном сознании почетное, но совсем не главное место. В письме к Л. А. Полонскому от 20 мая 1880 г., говоря о раннем влиянии Пушкина, он замечал: «Лермонтов и Гоголь не были собственно моими учителями: я уже сам созрел тогда и пописывал!»⁸. Разумеется, Гончаров прекрасно сознавал, какой букет ассоциаций, образов, мотивов, приемов и идей подарил ему Гоголь. Он хотел лишь подчеркнуть, что не может назвать Гоголя или Лермонтова «собственно учителями». Учителем своим Гончаров всю жизнь считал всего лишь одного писателя – Пушкина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письма Гончарова к Ординым в большей своей части не опубликованы. Цитируем их по рукописям: ОР РНБ. Фонд И. А. Гончарова. Ед. хр. № 22. Л. 5.

² По этому поводу Гончаров писал: «... Отрицательное направление до того охватило все общество и литературу (начиная с Белинского и Гоголя), что и я поддался этому направлению и вместо серьезной человеческой фигуры стал чертить частные типы, уловляя только уродливые и смешные стороны» (Гончаров И. А. Собр. соч. В 8 т. М., 1952-1955. Т. 8. С. 366. Далее ссылки на это издание).

³ *Гончаров А.И.* Указ.соч. т.8, с.377.

⁴ *Гончаров А.И.* Там же, с.211-212.

⁵ *Гончаров А.И.* Указ соч. т.1, с.126-127.

⁶ См.: *Мельник В. И.* Гоголевская традиция в «Обрыве» // Наука. Виховання. Екологія. Сбірник наукових праць. Ізмаїл (Україна) – Галац (Румунія). 1993. С. 11-12.

⁷ Гончаров А.И. Указ.соч. т.5, с.162.

⁸ Гончаров А.И. Указ.соч. т.8, с.470.